

Сергей Мотырев

Человек не паразит

Сергей Мотырев

Человек не паразит

<https://litres.ru/74691272>

SelfPub; 2026

Аннотация

Человек не паразитирует, а это его предназначение. Он заселён на планету, что бы ей помочь.

Содержание

Глава 1. Клетка в лихорадке	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Человек не паразит

Глава 1. Клетка в лихорадке

Вселенная дышит медленно. Так медленно, что внутри одного её вдоха рождаются и гаснут целые цивилизации, не успев заметить, что их век — лишь доля секунды в чужих лёгких. Звёзды — клетки этого тела, миллиарды их, каждая со своим ядром, со своей оболочкой из плазмы и поля, со своим местом в ткани, которую сама вселенная не называет никак, потому что ей не с кем об этом говорить. Планеты — клетки меньшие, пристроившиеся у поверхности, там, где кожа тела истончается до звёздного света и холода. Большинство из них мертвы по праву рождения: слишком горячи, слишком холодны, слишком далеко или слишком близко от огня своей звезды, чтобы в них могло завестись что-то живое. Но изредка случается промах. Клетка оказывается в поясе, где вода не превращается ни в пар, ни в камень, а остаётся жидкой, подвижной, ждущей.

Вот в такой клетке и заводится болезнь.

Сигнал идёт долго. Не крик, не вспышка — скорее медленное повышение температуры, которое тело замечает не

сразу, как замечает не сразу занозу под кожей, занесённую инфекцию, нарыв, зреющий годами. Планета подаёт его тысячелетиями: скопление влаги, тепла, химии, которая начинает вести себя не так, как положено мёртвому камню. Что-то в ней шевелится. Что-то в ней растёт.

Лимфы приходят на зов не потому, что спешат. У них нет спешки в том смысле, в каком её понимают существа с коротким веком. Они приходят, потому что сигнал наконец достигает той плотности, при которой организм — весь, целиком, в масштабе, недоступном для одной его клетки, — поворачивает к этому месту своё внимание. Лимфы его глаза в таких делах. Его руки, когда нужно потрогать рану прежде, чем решить, чем её лечить.

Планета, когда они подходят ближе, выглядит обманчиво спокойной. Шар воды и камня, укутанный тонкой плёнкой газа, которая по человеческим меркам назвалась бы атмосферой, если бы здесь было кому давать имена. На первый взгляд — ничего особенного: клетка как клетка, таких в теле организма бессчётно, большинство из них пусты и чисты, как положено здоровой ткани.

Но при более долгом наблюдении на поверхности проступают пятна.

Зелёные — там, где суша. Серо-голубые — там, где во-

да, и в этих пятнах заметно движение, которого не бывает в неживом: пульсация, рост, распространение вдоль береговых линий, как будто плесень в сырой тёмной комнате медленно, но верно захватывает стены. Лимфы не знают слова плесень, у них вообще нет нужды в словах, они видят процесс напрямую, как видят ток крови или рост кристалла, но процесс этот безошибочно узнаваем по своей сути: нечто, не являющееся частью клетки, питается её веществом и множится за её счёт.

Фауна — то немногое, что уже шевелится отдельно от поверхности, самостоятельными сгустками, заметна ещё яснее, как сыпь, как скопления паразитов под кожей, быстрых, мелких, снующих туда-сюда без видимой цели, кроме одной есть и плодиться. Органика здесь густая, насыщенная, уже пустившая корни в воду и в сушу настолько глубоко, что одним прикосновением её не снять.

Лимфы сверяют увиденное с протоколом, вшитым в них самой природой организма: что можно оставить без внимания, что требует мягкой коррекции, а что уже за той чертой, после которой лечение мягким способом не работает. Протокол не знает жалости, потому что не знает и ненависти; он знает только пороги. Масштаб заражения здесь превышает порог многократно. Зелёное покрывает треть суши. Серо-голубое кишит жизнью на такую глубину, что без разли-

цы, сколько веков пройдёт — болезнь будет только шириться, цепляясь корнями за каждый клочок пригодной для себя породы.

Решение приходит без паузы для сомнения, потому что сомнение не то состояние, в котором пребывают Лимфы. Они не взвешивают судьбу зелёных пятен, не задаются вопросом, живы ли те в том смысле, в каком жив сам организм. Вопрос здесь только один: угрожает это телу или нет. Ответ очевиден настолько, что для его формулировки не требуется времени.

Вызван Т-киллер.

Он приходит не как существо и не как оружие в человеческом понимании он приходит как то, чем всегда и был: точка, собранная из камня и льда где-то на окраине системы, развёрнутая по вектору, выверенному с той точностью, которая доступна только тому, кто способен держать в себе всю геометрию орбит сразу. Астероид входит в разреженные слои воздуха клетки-планеты без единого звука, который можно было бы услышать на расстоянии, с которого наблюдают Лимфы: звук появится только там, внизу, в последние секунды его падения, и этот звук уже никто из заражённых существ не успеет осмыслить.

Вспышка на поверхности планеты бела настолько, что на миг стирает собой весь цвет, который только что был зелёным и серо-голубым. За вспышкой идёт волна тепла, пыли, тьмы, поднявшейся выше, чем сама атмосфера, способной закрыть собой свет звезды на годы вперед. Там, внизу, в этот момент гаснет почти всё, что шевелилось и питалось, не всё, но почти, и для протокола организма почти, на этом этапе достаточно.

Лимфы наблюдают стирание без удовлетворения и без сожаления, потому что эти чувства не входят в набор их реакций. Для них это просто закрытая процедура, первая строка в длинном списке, который только начинает заполняться.

Они не знают или, может быть, знают, но это знание лежит глубже того уровня, на котором формулируются решения, что это лишь первая попытка. Что клетка под плотным слоем пепла продолжит жить своей скрытой, подкожной жизнью, и спустя срок, который самому организму покажется короче одного вздоха, зелёное снова проступит на поверхности, пусть и меньше прежнего.

Проходят миллионы лет так, как для организма проходит одна долгая пауза между вдохом и выдохом без счёта, без нетерпения. Пепел оседает, тьма над планетой истончается слоем за слоем, и там, где ещё недавно лежала выжженная

корка, снова пробивается зелёное. Лимфы видят это не как чудо и не как трагедию, а как данность. Там, где была влага и тепло, снова заводится то, что заводится всегда. Лес отрастает заново, но иначе ниже ростом, осторожнее в ветвях, будто выучил за одну вспышку то, на что раньше уходили эпохи. Не тянуться выше облака, не собираться в сплошной полог без просветов. Твари, что выползают вслед за лесом, тоже мельче прежних крупные формы не возвращаются, как будто сама память о падении осталась не в разуме, а в самой плоти заражения.

Лимфы наблюдают это со своей дистанции, которая не измеряется ни километрами, ни годами, и фиксируют то, что интересует протокол: очаг не устранён. Он сжался, он притих, он сменил форму, но корень остался в породе, и порода продолжает кормить то, что должно было исчезнуть. Удар был точным в этом нет сомнения, но точность не равна полноте. Процедура закрыла одну строку списка, и тут же, без паузы, открылась следующая, помеченная тем же номером, что и первая, только с припиской: рецидив.

Для организма это не новость и не повод для тревоги — у него нет органа, которым можно тревожиться, но есть то, что ближе всего к выводу: метод снаружи достиг своего предела. Можно бить снова, камнем большим или меньшим, можно выжигать поверхность раз за разом, и каждый раз зелёное

будет возвращаться чуть осторожнее, чуть незаметнее, уходя вглубь, под защиту воды, под корку почвы, туда, куда оружие внешнего удара дотянуться не способно. Болезнь учится прятаться быстрее, чем лечение учится бить точнее. Это не слова, которые кто-то произносит ни Лимфы, ни сам организм не нуждаются в словах, это просто форма, которую принимает решение, вызревающее где-то в глубине тела-вселенной, там, где такие решения всегда созревают: медленно, неотвратно, без права на отмену.

Бороться снаружи больше нет смысла. Нужно бороться изнутри.

Мысль — если это вообще можно назвать мыслью в том виде, в каком её знают заражённые существа внизу, оформляется не как план, а как рефлекс тела, обнаружившего занозу под кожей и понявшего, что выковырять её поверхностным движением уже нельзя, что придётся впустить в рану нечто своё, способное действовать там же, где засела заноза, незаметно, долго, терпеливо. Организм решает заселить клетку-планету собственными микроорганизмами - макрофагами. Не камнем. Не вспышкой. Живыми.

И вот сто тысяч лет назад, по счёту, который сама планета ещё не умеет вести, на поверхности появляются первые из них.

Они не падают с неба огненным росчерком, не оставляют после себя кратера. Они приходят так, что зелёное и серо-голубое принимает их за своих: две руки, две ноги, кожа, которая греется на солнце и мёрзнет в тени, лёгкие, которым нужен тот же воздух, что и всему остальному заражению вокруг. Сами они внешне неотличимы от того, что должны однажды уничтожить. Это и есть замысел: не выжигать болезнь снаружи, а стать частью неё, укорениться среди леса и зверья так плотно, чтобы ни одна тварь, ни одно дерево, ни сама клетка-планета не почуяли подвоха.

Лимфы наблюдают, как эти первые ходят среди деревьев, разводят костры от одной случайной искры, прячутся от дождя под тем же пологом листвы, что и звери, которых они потом будут есть, а звери есть их. Со стороны нет разницы между заражённым и внедрённым: оба дышат одним воздухом, пьют одну воду, боятся одной темноты. В этом вся суть замысла — скрытность, доведённая до полного растворения.

Проходят тысячелетия так же сжато, как прошли миллионы лет до этого: для наблюдающих это не вереница отдельных дней, а одна протяжённая полоса, в которой мелькают костры, пещеры, первые заточенные камни, первые шалаши из веток и шкур. Заселённые микроорганизмы охотятся, греются, хоронят своих мёртвых под корнями деревьев, ничего

не зная о себе самих. Они считают себя частью этого леса так же искренне, как лист считает себя частью ветки не потому, что помнят, кто они, а потому что никогда и не знали другого ответа. Замысел организма спит в них глубже, чем сон, глубже, чем память, он ждёт своего часа в самой структуре их тела, не нуждаясь в их согласии и даже в их понимании.

И лишь тысячу лет назад, по счёту, который теперь уже ближе к тому, что станет историей, в этом долгом сне начинает что-то шевелиться.

Сначала это ничто — просто беспокойство без причины, которое один из них чувствует у кромки леса, глядя на деревья так, будто видит в них не укрытие, а помеху. Тяга не объяснима ни голодом, ни холодом: его тянет не рубить дерево ради костра или шалаша, а срубить его просто для того, чтобы на этом месте осталась пустота. Другой вдалеке, на берегу реки без видимой нужды раскалывает камень за камнем, не для орудия, не для оружия, просто чтобы видеть, как порода трескается и обнажает то, что скрыто под ней. Третий копает землю глубже, чем требуется для ямы под костёр, и сам не может сказать себе, зачем.

Это ещё не осознание. Это даже не вопрос, который кто-то из них способен задать вслух. Это просто первая, едва уловимая судорога микроорганизма, которая через тысячу лет

вспомнит, для чего её сюда заселили, а пока что лишь тянет руку к дереву и камню с тем же немым недоумением, с каким палец тянется почесать рану, которую сам не видел, как получил.

Проходит ещё пятьсот лет этого смутного зуда, прежде чем судорога находит себе форму.

На берегу реки, там, где глина спекается от огня в нечто твёрже камня, кто-то складывает яму из обожжённых кирпичей и набивает её рудой. Сперва это кажется ошибкой, нелепой прихотью зачем жечь то, что и так горит, зачем плавить камень, который и без того лежит под ногами. Но печь не гаснет. Она растёт: соседняя деревня копирует яму, за ней ещё одна, и через два-три поколения вдоль реки уже стоит вереница труб, из которых днём и ночью поднимается дым, не похожий ни на дым костра, ни на дым лесного пожара, он гуще, он чернее, он не хочет рассеиваться.

Голос Лимфов называет это первым явным симптомом выздоровления. Не метафорой, не сравнением — именно симптомом, в том же смысле, в каком жар у больного тела означает, что защита микроорганизма наконец взялась за работу. До этого были лишь позывы, необъяснимая тяга почесать рану, которую сам не видел. Теперь — печь. Теперь — то, что останется в земле даже тогда, когда исчезнут люди,

сложившие её.

Но пока одни кладут кирпич к кирпичу, другие в это же самое время, в той же самой долине, живут иначе.

Их родовые стоянки стоят ниже по течению, там, где лес гуще и рыба крупнее. Поколение за поколением они ловят рыбу тем же способом, что и прадеды, хоронят мёртвых всё под теми же корнями, учат детей узнавать птицу по голосу и облако по цвету заката. Ничто в их жизни не требует ямы для плавки руды. Им хватает того, что даёт река, не отнимая у неё больше, чем она готова отдать сама. Они не помнят — потому что никогда и не знали, — что были заселены сюда с иной целью. Их предназначение спит так глубоко, что сон этот принят за саму их природу, и чем дольше они живут этой жизнью, тем крепче срастаются с лесом, пока разница между ними и деревом, между ними и зверем, не стирается до полного неразличения даже в их собственных глазах.

Голос Лимфов отмечает здесь иронию, которая не нуждается в пояснении, но всё же звучит, тихо и без осуждения: забывшие не перестают быть тем, чем были созданы. Они просто начинают делать противоположное тому, для чего их создали. Микроорганизм, назначенный уничтожать заражение, однажды просыпается и обнаруживает себя внутри этого заражения — не снаружи, не над ним, а частью его тела,

его корнями, его кровью. Он защищает болезнь с той же преданностью, с какой должен был её выжигать, и в этом нет измены, потому что нет памяти, которую можно было бы предать.

Так проходит ещё несколько столетий. Печи вдоль реки множатся, дым становится привычной деталью неба, а леса ниже по течению редеют, оттесняемые просеками и пашнями. Те, кто живёт среди деревьев, чувствуют это раньше, чем могут назвать словами: меньше дичи там, где раньше паслись стада, мутнее вода там, где раньше стояли на нерест рыбы косяки. Сперва это переживается как личная беда одной семьи, одной стоянки. Потом — как общая тревога целой долины.

Полтора века назад один из них, старик с родовой стоянки у излучины, где когда-то хоронили мёртвых под корнями старого дуба, впервые говорит вслух то, что до него лишь чувствовали поодиночке.

— Они рубят не для того, чтобы жить, — говорит он тем, кто собрался у костра. — Они рубят, чтобы земля осталась голой. Это не нужда. Это что-то другое.

Его не понимают до конца, но ему верят достаточно, чтобы на следующий год на этом же месте собраться снова, уже с

людьми из соседних долин, услышавшими о нём через купцов и странников. Так разрозненные одиночки, которые годами порознь прятали родники от вырубки и пытались отвести охотников подальше от последних оленьих троп, впервые находят друг друга и садятся за один костёр. Они ещё не называют себя никак, у них нет знаков, нет символов, но уже есть то, без чего ни одно сообщество не держится: общий враг и общее слово о том, что нужно защищать.

В то же самое время, в городах у печей, растёт встречное раздражение, ещё безымянное, ещё без вожаков. Кузнецы и литейщики недовольны тем, что лесные люди прячут родники от их мельниц, что они срываюи ловушки на пушного зверя, оставляют метки на деревьях, назначенных к вырубке, будто у леса есть владелец помимо тех, кто его рубит. Это раздражение пока рассыпано по отдельным дворам и мастерским, не собрано ни в слово, ни в строй, но оно уже дышит той же плотностью, какой через полтора столетия предстоит стать войной.

Голос Лимфов произносит об этом последнее на сегодня: организм получил сигнал о расколе среди заселённых макрофагов и отдал приказ разобраться. Но счёт между двумя сторонами ещё не открыт, рубеж ещё не проведён, и даже сами противники пока не знают, что они противники. Есть лишь дым над рекой и тишина под деревьями, и где-то меж-

ду ними — то, что когда-нибудь назовут войной.

Лимфы решают просто смотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.